

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №3, Том 11 / 2020, No 3, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/14KLSK320.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Галкова О.В., Савицкая О.Н. Современные тенденции развития «ландшафтной теории» // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №3, <https://sfk-mn.ru/PDF/14KLSK320.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Galkova O.V., Savitskaya O.N. (2020). Current trends of landscape theory development. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/14KLSK320.pdf> (in Russian)

УДК 930.1

ГРНТИ 03.01.06

Галкова Ольга Валентиновна

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России», Волгоград, Россия

Профессор кафедры «Истории и культурологии»

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: galkolia@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8524-5709>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=533009

Researcher ID: <https://www.researcherid.com/rid/AAU-5336-2020>

Савицкая Ольга Николаевна

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», Волгоград, Россия

Доцент кафедры «Отечественной истории и историко-краеведческого образования»

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: savitskaya71@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8572-3114>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=426542

Researcher ID: <https://www.researcherid.com/rid/AAU-5325-2020>

Современные тенденции развития «ландшафтной теории»

Аннотация. В данной статье рассматривается эволюция изучения в современной историографии понятия «культурный ландшафт» как трансдисциплинарного объекта, объединяющего специалистов самых разных областей знания (географов, культурологов, специалистов по охране культурного наследия, архитекторов и др.). Основное внимание авторы уделяют анализу достижений этнокультурологии и геокulturологии, а также философским концептам «культурного ландшафта». Развитие данных представлений прослеживается через культурологические и историографические методы сравнительного анализа, материалом для которого являются, в основном, работы европейских и американских ученых.

Анализ концепций представителей российской науки ограничен школой «культурной географии», которая в наибольшей степени отражает направления европейских исследований, представленных в данной статье. Кроме этого, многие теории российских и западных ландшафтоведов рассмотрены О.В. Галковой в более ранних статьях.

В статье утверждается, что современные исследования поставили ландшафтную теорию на новый качественный уровень развития, осуществив поворот к постгуманистическим способам исследования. Они дополнили и исправили многие выводы ландшафтной феноменологии реляционным представлением о постоянно преобразующемся мире,

взаимосвязи ландшафта и движения; ландшафте как акторской сети, в которой отсутствует деление на чисто природные и культурные объекты, и вообще дискретность объектов в ущерб единству и взаимосвязи; взглядами на ландшафт в свете философии «нового витализма», вдохновленного идеями движения, субъективности, восприятия и повествования. Скорее всего, именно эти намеченные магистрали исследований получают дальнейшее развитие в ландшафтной теории.

Авторы обращают внимание на развитие «старых» научных направлений и появление новых на стыке междисциплинарных исследований: гуманитарной, культурной и топологической географий, гибридной биогеографии.

Ключевые слова: культурный ландшафт; ландшафтоведение; культурная география; гуманитарная география; топологическая география; гибридная биогеография; историография культурного ландшафта

Удивительным образом, но постулирование в семидесятые годы прошлого столетия понятия «культурный ландшафт» в документах ЮНЕСКО стимулировало изучение этого феномена в различных областях человеческого знания. Изначально конструирование этого понятия шло по линии кристаллизации близких понятий в понятийном поле социогуманитарных наук, затем в области естествознания и, наконец, точных и технологических сфер (в первую очередь, архитектуры и компьютерного моделирования).

В изучении ландшафта, начиная с 1990-х гг., произошло немало нового, что показывает дальнейшие перспективы развития ландшафтной теории. Прежде всего, это осмысление пространства ландшафта как реляционного. Большая часть работ в рамках гуманистической географии подчеркивает важность сетей, связей, потоков и мобильности в постоянном создании пространств, мест и идентичностей, что и означает реляционное видение мира, когда ландшафт рассматривается как «продукт практики, траектории, взаимосвязи» [1, с. 14]. Это ощущение пространства как ткачества и взаимосвязи, всегда находящегося в процессе создания, вытесняет сегодня более статичные представления о пространстве с точки зрения территории, ограниченности, площади, масштаба и т. д. [2]. Понятия реляционной связи разрабатываются в различных эмпирических контекстах, например, в новом реляционном видении экономического развития, в работе по товарным цепям и материальным культурам производства/потребления [3], о транснационализме и городах [4] и о возможностях парадигмы новой мобильности.

Пожалуй, самое важное здесь, что отношения и связи не выковываются в уже данном пространстве, они сами рассматриваются как творческие пространства, создают пространства – реляционные пространства, и география мира состоит из них. Это реляционное представление о постоянно преобразующемся мире во многом обязано тем аргументам, которые сформулированы теорией акторской сети (actor-network theory).

Теория акторской сети выступает против деления мира на «культурные» (или социальные) и «естественные» сферы, области пассивные и активные. Она утверждает, деление на чисто «природные» или чисто «культурные» объекты несостоятельно. Как подчеркивал Д. Харауэй (D. Haraway), все мы уже гибриды, сложные амальгамы человека / животного / машины [5, с. 22]. Нечеловеческие объекты – растения, животные, океаны, самолеты – имеют столько же возможностей действовать и влиять, как и люди.

Теория акторских сетей направлена на преодоление представления о мире как составленном дискретными, ограниченными объектами, и предлагает осмысливать мир, составленный из сетей. Каждый предмет или человек могут быть поняты как совокупный результат сетевых отношений, а наше чувство нашей индивидуальности и воли – всего лишь

реляционный эффект. Вместо того, чтобы быть неделимыми, отдельными и целыми, мы всегда сплетены вместе в сложном меланже культурных и материальных, человеческих и нечеловеческих отношений. Другими словами, то, что предлагает теория акторских сетей – это реляционная онтология.

Наряду с понятием реляционности, частично полученного из теории акторских сетей, в настоящее время гуманитарная география осваивает философские традиции витализма, опираясь, прежде всего, на работы Ж. Делеза. Идеи Ж. Делеза (G. Deleuze), сформулированные, в частности, в совместной работе с психиатром Ф. Гваттари [6] (F. Guattari), были охарактеризованы как «философия становления» или как «новый витализм» [7]. Влияние идей Делеза проявляется, прежде всего, в делезианском чувстве мира, находящегося в процессе постоянного становления, постоянного разрастания. В этом высвечивался решительный антифеноменологический уклон творчества Делеза, поскольку «становление» является радикальной альтернативой тому, что Делез увидел как «статические и сидячие тональности» [8, с. 201] хайдеггеровских представлений о жилище и «бытии в мире». И, наконец, делезианские представления о жизни как о расцвете и дифференцировании становления, как об одновременных, хотя и разнонаправленных процессах животного витализма и мортализма, невозможности существования целостного субъекта перекликались с видением теории акторских сетей мира гибридных отношений.

В свою очередь, термин «витализм» охватывает определенный дух – чувство жизни в целом – как имманентной, витальной, возникающей силы. Виталистская онтология предполагает много способов противостояния феноменологической перспективе, в том числе и путем защиты радикального субъективистского взгляда на жизнь, в рамках которого циркуляция неличностных и нечеловеческих влияний, сил и особенностей понимается как замена, а не дополнение понятия «жилища» и «бытия в мире». Предусматривается понимание материи – материальности вещей и природы – как живой и одушевленной. Картина мира Делеза – это «чистый поток жизни и восприятия, без каких-то отдельных воспринимаемых» [9, с. 87, 89]. Идеи Делеза о восприятии тем самым стремятся выйти за пределы «феноменологической привязки субъекта к ландшафту». Таким образом философия «нового витализма» Делеза обеспечивает в перспективе дополнение и исправление ландшафтной феноменологии, основанной на неисследованных понятиях субъективности, восприятия и знания.

Область исследования, где взаимосвязи теории акторных сетей и жизненных сил делезской мысли сейчас наиболее продуктивно объединяются в постгуманистическом мире – это современная гибридная биогеография. Новые биотехнологии и манипуляции на генетическом уровне с людьми, животными и другими организмами размывают границы, которые долгое время представлялись священными.

Работа «Гибридная география: природа, культура, пространство Сары Уотмор (S. Whatmore), которая является ведущей в этой области на настоящий момент, открывается замечаниями о гиперболической изобретательности наук о жизни в усложнении различий между человеком и не человеком, социальным и материальным, субъектами и объектами. Она утверждает, что даже для того, чтобы частично понять и адекватно проанализировать эту возникающую реальность, необходимо осуществить поворот к постгуманистическим способам исследования. Гибридная география будет включать в себя переход от интенциональной к аффективной модальности ассоциаций, от геометрии к топологии как пространственному регистру, к тому, чтобы находиться во временных ритмах человеческого/ нечеловеческого существования.

Поскольку для культурной географии исключительно актуальной и важной по-прежнему является задача «материальных возвращений», С. Уотмор подчеркивала, что

новое поколение культурных географов возвращается к богатому сочетанию гео- и био- в новой биогеографии самой жизни, человеческой и физической [10, с. 5, 602]. К настоящему времени сложилась группа ученых, которые в этом ключе пишут о проблемах, поднятых новыми биотехнологическими разработками [6; 11; 12], что позволяет изучить потенциальные последствия этой новой парадигмы конкретно для ландшафтной теории.

Прежде всего, гибридная география категорически против любого понятия природы как «культурного конструкта», и в более общем смысле, против дискурсивного и интерпретативного подходов, характерных для большой культурной географии на протяжении 1990-х годов.

Гибридная география отвергает идею о том, что ландшафт – это способ видения мира, проецирующий культурный смысл на инертную материальную природу. Как заметила С. Уотмор, в этой концепции природа не говорит ничего сама по себе, это всегда уже «созданный продукт человеческой интерпретации». В другом месте она отметила, что как «старая», так и «новая» культурная география «рассматривают создание ландшафтов ... как исключительно человеческое достижение, в котором вещи мира лишь глина в наших руках» [10, с. 1, 603].

В то же время, гибридная география имеет мало общего с ландшафтной феноменологией. Для подтверждения этого обратимся к уже упоминаемому нами движению «от геометрии к топологии как пространственному регистру».

Топология – это изучение свойств объекта, которые поддерживаются даже когда объект растягивается, сжимается, скручивается или иным образом изменяется (но не рвется). В более широком смысле топология является формой географического/математического мышления, которое понимает пространство и пространственные отношения в первую очередь с точки зрения соединительных свойств, а не расстояния и положения. Например, схема метро – топологическая, так как показывает, как станции метро связаны и взаимосвязаны, но игнорирует как не интересные для пользователей реальные расстояния между станциями.

Теоретики пространства и пространственных описаний с точки зрения теории акторских сетей обычно приводят доводы в пользу топологического понимания географии, которая «занимается топологическими текстурами, которые возникают, когда отношения формируют пространство и время» [13, с. 359].

В некотором смысле это еще один способ показать, что привычные представления о поверхности земли как о целостной ограниченной области, обеспечиваемые картографией и нашими повседневными предположениями о том, как пространство существует с вполне определенными связями, новые аргументы обращаются к географическому воображению, в котором топологические связи являются основными «ткачами» пространства-времени. Тем самым топология подразумевает, что пространство и время не являются геометрическими и линейными.

Топологическая и коннективистская онтология явно работают в современной гибридной географии. Виталистский дух провоцирует это движение дальше, подразумевая не просто фиксированный или уже заданный набор соединений, а скорее растущую, разрастающуюся, даже удивительную топологию, в которой сверхъестественные и гибридные сложения (складки) ближнего и дальнего, прошлого и настоящего становятся важной задачей исследования. На смену геометрическим привычкам, которые представляют мир как единую решетчатую поверхность, гибридные отображения обязательно топологические, подчеркивающие множественность пространства-времени, генерируемого в/из движения и ритмов гетерогенных ассоциаций.

Здесь следует обратить внимание на то, что такая топологическая география существует в состоянии напряженности в отношении концепций ландшафта по нескольким причинам. Первая и самая очевидная заключается в том, как указывали М. Шелер (M. Sheller) и Дж. Урри (J. Urry), что в отличие от текучести, мобильности и неоднородности, ценимых в топологической парадигме, понятия ландшафта могут казаться статичными и медлительными [14, с. 217].

Вообще, в рамках феноменологического подхода с его дискурсивными ассоциациями ландшафта с жильем, воплощением и представлением, ландшафт не слишком коррелируется с движением, хотя, как мы отмечали, во-первых, создание ландшафтов и себя через взаимные движения было ключевой проблемой целого ряда работ, вышедших после 2000 г. [15–17].

Во-вторых, существует проблема преемственности: биогеография в какой-то степени вытеснила ландшафт как среду для размышления о культурных отношениях с природой, в частности о замене и критике понятий ландшафта как культурного «строительства» природы [18, с. 5].

В-третьих, ландшафт исторически был пространственным и топографическим термином – формой земной поверхности – и уже давно связан именно с концепциями пространства, меры, расстояния, поверхности и перспективы, которые представляются весьма необычными в рамках топологической географии.

Представляется, что трудно приспособить ландшафт со всеми его топографическими, визуальными, феноменологическими и синтетическими ассоциациями в пределах топологического видения. В этом случае некоторые сторонники новой топологической географии проявляют намерения отбросить «средние термины», или синтетики, такие как ландшафт. Уотмор, например, явно подчеркивает отдаленность материальной и гибридной географии от теории культурного ландшафта. Эту позицию поддержал и развили С. Харрисон (S. Harrison), С. Пайл (S. Pile) и Н. Трифт в своей работе «Узорчатая земля: запутанность природы и культуры».

Эта работа избегает всех общепринятых понятий и классификаций. Она представляет собой собрание более ста кратких и зачастую очень несложных для восприятия и выразительных эссе с намеренно эклектичной путаницей тем, написанных как гуманистическими, так и физическими географами, представителями общественных и естественных наук. В редакционном комментарии к этой книге подчеркивалось, что подбор эссе способствует развитию «топологического воображения» [19, с. 10]; она целенаправленно стремилась как можно больше запутать обычные взаимоотношения человека и нечеловеческих форм рельефа. В более широком смысле утверждалось то, что отнюдь не образ или построение культурно-природных отношений, ландшафт – это сама запутанность этих отношений.

Как отмечал Пайл, в новой, гибридной географии, утверждается, что мир формируется как человеком, так и нечеловеческими процессами, и именно эта «путаница» и составляет то, что мы знаем как ландшафт [20, с. 9–10]. В то же время исследование нацелено на то, чтобы подчеркнуть ощущение динамичной материальности ландшафта. Это также мешает конструктивному и дискурсивному анализу, когда богатство топографического осмысления ландшафта приносится в жертву топологической сложности. Первенство реляционных связей и отношений приводит к чрезмерному онтологическому выравниванию, когда при том, что гибридная география, несомненно, открыла новые и разнообразные способы мышления о жизни, субъективности, восприятии, культуре и природе, ландшафты, представленные с топологией, но без топографии выглядят поверхностью без рельефа, контура, морфологии или глубины.

Как может показаться, все эти указанные тенденции работают против сохраняющейся значимости ландшафта как организации троп и источник творческого и продуктивного напряжения для географов. В то же время в равной степени можно утверждать и обратное: в первые десятилетия двадцать первого века исследования ландшафта растут, и в настоящее время в работах, особенно британских географов, развиваются новые и отличительные подходы к ландшафту.

Мы уже говорили о широком спектре последних работ, в которых ландшафт осмысливается с помощью перформативных и воплощенных концепций тактильности, мобильности и визуальности.

В результате выводов из постструктуралистских и нерепрезентативных теорий можно утверждать, что открылись дополнительные возможности разработки новых критических и творческих средств выражения отношений между биографией, историей, культурой и ландшафтом. Во многом этот интерес подпитывается огромным авторитетом и риторической силой работ ранних исследователей ландшафта, таких, как Зауэр, Хоскинс и Джексон. В значительной степени именно благодаря им, а также традициям текстуального и визуального изображения ландшафта в контексте путешествия сформировался центральный объект анализа. Были разработаны различные способы, посредством которых воплощенная практика и представление были поняты как среда, в которой переплелись чувства себя и ландшафта.

В более широком смысле обсуждение личного опыта и привязанности к ландшафту оказались, как правило, созвучны сочинениям о природе и путешествиях, истории культуры и биографии. По мнению Дж. Уайли, в этом контексте последние десять – пятнадцать лет были «чем-то вроде золотого века для ландшафта» [8, с. 207]. Подтверждение тому – большое количество публикаций, например, Тима Робинсона (T. Robinson), Ребекки Солнит (R. Solnit), Иэна Синклера (I. Sinclair), среди которых особенно выделяются замечательные сочинения Винфрида Георга Зебальда (W.G. Sebald), ставших источником вдохновения для многих исследователей ландшафта [21]. Сочинение Зебальда, особенно его экзистенциальная пешеходная экскурсия по графству Суффолк, которую он назвал английским паломничеством, стала чем-то вроде модели для современной культурной географии ландшафта. В своих книгах Зебальд настойчиво возвращается к множеству связанных друг с другом и повторяющихся тем: изгнания и перемещения, памяти и забвения, войны и насилия, одиночества и связей, истории как человеческой, так и естественной, процессу разрушения и фрагментации. Зебальд в разработанной им инновационной литературной форме, включающей элементы экзистенциальных мемуаров, автобиографии, записки о путешествиях, истории культуры и фантазмагии, вызывает в воображении странную метафизику ландшафта, которая сжимает вместе и распутывает прошлое и настоящее, текст и изображение, опыт и память. В центре его внимания – напряженность между движением и укоренением, которое всегда присутствовало в ландшафтных исследованиях.

Многие культурные географы рассматривают ландшафт с некоторой подозрительностью, потому что терминологически ландшафтному мышлению присущ консерватизм, с его ассоциациями с жилищем и всем остальным, с замкнутыми и локальными горизонтами в отличие от более космополитической и мобильной перспективы. Но ландшафт – это всегда только вопрос движения, движения глаз и тела, земли и неба, движения внутрь и извне. Зебальд представил полностью оригинальную трактовку свойственного ландшафту напряжения между движением и жилищем, аутсайдерами и инсайдерами.

Этот сценарий ландшафта, движения и биографии стал наиболее востребованным в работах, написанных позже 2000 г. Так, Хайден Лоример (H. Lorimer) творчески осмыслил способы, которыми земля, жизнь и знания переплетаются. Лоример проанализировал оригинальную связь личных воспоминаний, (доступных через устную и архивную историю),

интеллектуальных историй полевых наук, а также воплощенного опыта и воскрешенного в памяти ландшафта. Поиски новых подходов к историографии ландшафта связаны с критикой нерепрезентативной теории «затухающего» эффекта тематического и дискурсивного внимания к текстам и изображениям. Ключевым требованием является творческое взаимодействие как интерпретационного подхода, традиционных «репрезентативных» источников, так и не выявленных ранее игнорируемых или критикуемых сфер нерепрезентативной практики [22, с. 203].

В весьма показательной статье «Рассказывать маленькие истории: пространства знаний и практики географии» Лоример в стремлении «рассказать маленькие истории» в качестве контрапункта к более солидным повествованиям академической истории соединил жизнь и работу Робина Мюррея, полевого инструктора и бывшего студента-географа, работающего в небольшой хижине в горах Кэрнгорм в Шотландии, с воспоминаниями опыта пожилой женщины, Маргарет Джек, которая, будучи 15-летней девочкой, уроженки Глазго, участвовала в экскурсии на свежем воздухе во главе с Мюрреем. Острые личные воспоминания переплелись с телесным опытом Кэрнгормса и со знанием практики географии 1950-х годов, тогда еще нацеленной на обследования и классификации.

Лоример выступает за одновременное использование таких форм исследования ландшафта, как эмпирические, исторические и аффективные: работа ног и полевая прогулка могут остаться прежними, но способ, которыми ландшафт приближается и выражается, может быть перенастроен на переменчивые, разумные встречи, чтобы соединить материальный и ментальный ландшафт, разделить пространство отдельных прожитых жизней. И этот акцент на «прожитые жизни», на биографии и повествования, становится лейтмотивом для современных исследований ландшафта: оставаться верным тем регистрам памяти, где прошлое ландшафта принимает форму устной традиции, воплощенного знания или через коллективную личность, радикально пересматривает проблему реконструкции и презентации [17, с. 515–516].

Ландшафт для Лоримера это одновременно мшистое, земное усилие, и форма критической исторической практики, в которой движение взад-вперед между различными пространствами и регистрами превосходит тенденцию наивно ценить укорененность.

Это понятие ландшафта и себя через опыт мобильности и изгнания отличает и работы Джессики Дубоу [23, с. 88]. Описание идентичности и знания, первоначально сформированных посредством мобильности, изгнания, расстояния и отсутствия принадлежности, чтобы точно сместить понятия ландшафта и себя, основано на определенном присутствии воспринимающего субъекта и отождествлении этого субъекта с родной почвой или национальным государством.

Для Дубоу характеристика ландшафта требует центростремительного, направленного наружу движения или, точнее, оригинальной мобильности, которая полностью внешняя и предшествующая тому, что она считает территориальными и ограниченными двоичными образами западного мышления – внутри/снаружи, я/другие, жилище/кочевой – и даже к телеологическому представлению о своем «происхождении». Здесь политика расстояния и дислокации весьма отличается от виталистического духа становления как идеальной формы субъективной практики.

В работах культурного географа Митча Роуза (M. Rose) также исследуются взаимосвязи ландшафта и движения. Однако движение здесь не фигурирует как вытеснение понятий происхождения, территории или жилища, но также как пересечение жизненных историй и ландшафтной близости. Вместо направления движения, так сказать, внутреннего, ландшафт для Роуза концептуализируется в терминах разворачивающегося и творческого движения заботы. Эта концепция связана частично с критикой форм современного североамериканского

анализа ландшафта. Для Роуза, несмотря на их, якобы, постструктуралистское понимание власти и идентичности, эти географы остаются фундаментальными структуралистами: для них ландшафт, с одной стороны, является культурным символом, который может быть интерпретирован по-разному, а с другой – его существование зависит от его интерпретации. Хотя борьба в пространстве затрагивает, разрушает и даже переписывает гегемонистские идеологии, которые создает ландшафт, сами по себе они не определяют ландшафт. Это значит, что пока ландшафт описывается в терминах борьбы, он определяется с точки зрения структуры.

В то же время многие североамериканские и британские культурные географы подчеркивают ландшафт как территорию оспариваемого значения, и это опирается на способность акторов сопротивляться навязыванию, игнорировать или нарушать доминирующие, уже структурированные значения. Здесь, следовательно, существует не просто дилемма, а противоречие: «нельзя вывести социальных агентов с высокой степенью интерпретации из общества, которое имеет фундаментальную структуру; с другой стороны, – также нельзя вывести фундаментальные структуры из высоко интерпретируемого общества».

Роуз стремится выйти за рамки этой проблемной смеси структуралистских и гуманистических позиций, исследуя вместо этого способы, которыми устойчивые и творчески убедительные идеи ландшафта и собственной личности осваиваются. В частности, продвигая понятие культуры как кода разорения, утверждает он, «мы должны научиться распознавать не только движение деконструкции, но и движение того, что Деррида называл нашими «мечтами присутствия»: нашими мечтами быть субъектом» [24, с. 465]. Ландшафт и «я», например, можно понимать как «мечты о присутствии», а не как фактическое, стабильное или заранее заданное присутствие, но, тем не менее, как составные части непрерывного процесса движения заботы, в котором мир представляется цельным и связным. Для Роуза концептуализация культурного ландшафта как «мечты о присутствии» означает понимание его как развертывающейся плоскости чувственного, аффективного или регистрации маркеров восприятия и, таким образом, субъективности [25, с. 547]. Это «собирающее» движение заботы, предполагает Роуз, может быть засвидетельствовано в повествованиях и биографиях, и поэтому акцент здесь делается на творческих и образных актах «повествования» – рассказа и презентации – посредством которых ландшафт и я видятся в мечтах. Дж. Уайли отмечал, что в контексте прибрежной ходьбы [аффекта] обозначаются конфигурации движения и материальности – света, цвета, морфологии и настроения, которые и придают отличительные особенности чувствам собственного «я» и ландшафта, ходака и земли, наблюдателя и наблюдаемого, дистилляции и преломления... Циркуляция и всплеск влияний и восприятий – это именно то, от чего эти два горизонта, – внутренний и внешний, самость и ландшафт, складываются [26, с. 236].

Это предполагает и разработку другого определения ландшафта. Ландшафт – это то, с чем мы видим. Ландшафт – это не просто способ видения, проекция культурного значения, это не какое-то видимое, немое, внешнее пространство. И, наконец, мы не можем говорить вполне правдоподобно о практике самости и ландшафта через понятия феноменологической среды жилища.

Делая первый шаг после конструктивистских, реалистических и феноменологических представлений, пост-феноменологический подход прокладывает свой путь в понимании процессов образования и уничтожения себя и ландшафта на практике. Тогда ландшафт лучше всего можно было бы описать в терминах, переплетенных вещественности и чувствах, с которыми мы действуем и мыслим [26, с. 236, 245].

Истоки российского ландшафтоведения легко прослеживаются не только в теориях таких великих мыслителей, как В.И. Вернадский, И.И. Мечников, П.П. Семёнов-Тян-Шанский, В.М. Бехтерев, Вл. Соловьев и В.О. Ключевский, но и в великой русской литературе, в которой

природа изначально обладает душой и непререкаемой ценностью. Эта эстафета не пресекалась на протяжении всего века, она естественным образом перекочевала в труды основателей быстроразвивающейся российской культурологии М.С. Кагана, П.С. Гуревича, Ю.М. Лотмана. Их идеи оказались привлекательными и востребованными в понятийном, теоретическом и практическом поле многих научных направлений.

В конце XX – начале XXI века в развитие географического направления, в актуализацию проблем культурного ландшафта активно включились российские «культурные географы». Интересный анализ развития данного направления представлен в статье Ал.А. Григорьева и Г.Н. Паранина [27].

Мы выделим некоторые особенности российского восприятия и понимания культурного ландшафта: его сакральность, укорененность в символах русской этнической идентичности; связь географического фактора с разнообразием лингвокультуры; целостность восприятия пространства в культуре и целостность самой культуры, ее всеобщность и всеохватность. Даже из столь краткого перечисления связей географической культурологии очевидно само глубинное понимание термина *культурный ландшафт* в российских исследованиях.

Трудно считать случайностью выход в одном номере журнала «Человек: Образ и сущность» двух статей авторов, наиболее плодотворно занимающихся проблемами географической культурологии. В статье Стрелецкого В.Н. [28] рассматривается не только развитие «концепта» культурного ландшафта, но и прослеживается процесс образования «крупных национальных культурно-ландшафтных школ», а также подчеркивается, что находящаяся в периоде становления российская ландшафтная школа опирается на богатые научные традиции и методологические принципы российской, в том числе географической науки. Совершенно справедливо в этом ракурсе выделяется (так называемая «информационная» или «ноосферная») концепция культурного ландшафта Ю.А. Веденина, которая отражает особенности российской научной школы.

В определенный диссонанс со статьей Стрелецкого вступает статья, размещенная в том же номере Калущкого В.Н. [29], в которой акцент ставится на отторжение «чистых географов» данных направлений исследований, что мешает их институализации и бесспорно тормозит развитие актуальных трансдисциплинарных исследований [30; 31].

Из всего вышесказанного можно предположить наиболее вероятные и актуальные направления ландшафтных исследований в географии, вдохновленных феноменологическим и нерепрезентативным пониманием воплощения, материальности и перформативности. Последние исследования показали продуктивность анализа ландшафта через ряд напряжений: напряженность между расстоянием и близостью, наблюдающими ландшафт и населяющими его, глаз и земли, культуры и природы. Эти отношения напряжения способны оживить концепцию ландшафта, сделать ее более убедительной.

Большое внимание уделяется рассмотрению ландшафта с точки зрения конфликтов вокруг памяти и идентичности, конфликтов, в которых возникает ландшафт повседневной жизни и идеологическая форма воплощения. Кеннет Олвиг в историко-лексикологическом переосмыслении ландшафта с точки зрения обычаев, политики и права дополнил существовавший перечень напряжений давнишнюю напряженность между ландшафтом как обычным явлением и живописным пространством. Проработка противоречий между топологией и топографией показали, что если, с одной стороны, реляционное и виталистическое мышление разрабатывает новую, гибридную и постгуманистическую географию, для которой традиционные представления о ландшафте кажутся устаревшими, то, с другой стороны, культурные географы, вдохновленные подобными концептуальными

ресурсами, творчески и в нюансах исследуют ландшафт в идеях движения, субъективности, восприятия и повествования.

Подчеркнем, что теория «культурного ландшафта» сегодня стала органической составляющей в развитии таких перспективных и актуальных направлений научной мысли, как «теория антропоцена» и «интеллектуальная история».

Таким образом, акцент на личный опыт и на напряженности, которые возникают между нами и ландшафтом, напряжение расстояния и близости, культуры и природы и пр. позволяют изучать ландшафт как восприятие, то, с чем мы видим, творческое напряжение себя и мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Massey D. Geographies of responsibility / D. Massey // *Geografiska Annaler*. – 2004. – Vol. 86. – P. 5–18.
2. Marston S., Jones J.P. and Woodward K. Human geography without scale / S. Marston J.P. Jones, K. Woodward // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 2005. – Vol. 30. – P. 416–432.
3. Hughes A. and Reimer S. (eds) *Geographies of Commodity Chains*, London: Routledge. (2004).
4. Olson E. and Silvey R. Transnational geographies: rescaling development, migration, and religion / E. Olson, R. Silvey // *Environment and Planning*. – 2006. – Vol. 38. – P. 805–808.
5. Haraway D. *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*, London: Routledge. (1991).
6. Deleuze G. and Guattari F. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, London: Athlone Press. (1988).
7. Marks J. *Gilles Deleuze: Vitalism and Multiplicity*, London: Pluto Press. (1998).
8. Wylie J.W. *Landscape* / J.W. Wylie. – London: Routledge, 2007. – 252 p.
9. Colebrook C. *Deleuze*, London: Routledge. P. 87. (2002).
10. Whatmore S. Materialist returns: practising cultural geography in and for a more-than-human world / S. Whatmore // *Cultural Geographies*. – 2006. – Vol. 13. – P. 600–609.
11. Bingham N. Bees, butterflies, and bacteria: biotechnology and the politics of nonhuman friendship, *Environment and Planning A* 38(3). P. 483–498. (2006).
12. Clark N. The demon-seed: bioinvasion as the unsettling of environmental cosmopolitanism, *Theory Culture and Society* 19(1–2). P. 101–126; (2002).
13. Murdoch J. The spaces of actor network theory / J. Murdoch // *Geoforum*. – 1998. – Vol. 29. – P. 357–374.
14. Sheller M. and Urry, J. The new mobilities paradigm / M. Sheller, J. Urry // *Environment and Planning*. – 2006. – Vol. 38. – P. 207–226.
15. Büscher M. Vision in motion, *Environment and Planning A* 38(2): 281–299. (2006).
16. Cresswell T. Landscape and the obliteration of practice', in Anderson K., Domosh D., Pile S. and Thrift N. (eds) *Handbook of Cultural Geography*, London: Sage; (2003).

17. Lorimer H. Herding memories of humans and animals, *Environment and Planning D: Society and Space* 24. P. 516. (2006).
18. Whatmore S. *Hybrid Geographies: Natures, Cultures, Spaces* / S. Whatmore. – London: SAGE Publications Ltd, 2002. – 226 p.
19. Harrison S., Pile S. and Thrift, N. (eds) *Patterned Ground: Entanglements of Nature and Culture*, London: Reaktion. Ibid. P. 10. (2004).
20. Pile S., Harrison P. and Thrift N. *Patterned Ground* / S. Pile, P. Harrison, N. Thrift. – London: Reaktion, 2004. – 252. p.
21. Wylie J.W. An essay on ascending Glastonbury Tor / J. Wylie // *Geoforum*. – 2005. Vol. 33. – P. 441–454.
22. Lorimer H. Telling small stories: spaces of knowledge and the practice of geography, *Transactions of the Institute of British Geographers* 28. P. 203. P. 197–218; (2003a).
23. Dubow J. From a view on the world to a point of view in it: rethinking sight, space and the colonial subject, *Interventions: International Journal of Postcolonial Studies* 2(1). P. 87–102; (2000).
24. Rose M. Re-embracing metaphysics / M. Rose // *Environment and Planning*. – 2004. – Vol. 36. – P. 461–468.
25. Rose M. Gathering «dreams of presence»: a project for the cultural landscape / M. Rose // *Environment and Planning: Society and Space*. – 2006. – Vol. 24. – P. 537–554.
26. Wylie J.W. A single day's walking: narrating self and landscape on the South West Coast Path / J. Wylie // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 2005. Vol. 30. – P. 234–247.
27. Григорьев Ал.А., Паранина Г.Н. Культурная география: шаг к истокам // *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 2011, серия 2, вып.3, с. 60–72.
28. Стрелецкий В.Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: Научные истоки и современные интерпретации. // «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019, №1, с. 48–78.
29. Калуцков В.Н. Деятельность междисциплинарного семинара «культурный ландшафт и развитие культурной географии в России // «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019, №1, с. 9–20.
30. Greenhough B. and Roe E. Towards a geography of bodily biotechnologies, *Environment and Planning A* 38. P. 416–422; (2006).
31. Thrift N. From born to made: technology, biology and space / N. Thrift // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 2006. – Vol. 30. – P. 463–476.

Galkova Ol'ga Valentinovna

Volgograd state medical university, Volgograd, Russia
E-mail: galkolia@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8524-5709>

РИИЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=533009

Researcher ID: <https://www.researcherid.com/rid/AAU-5336-2020>

Savitskaya Olga Nikolaevna

Volgograd state social and pedagogical university, Volgograd, Russia
E-mail: savitskaya71@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8572-3114>

РИИЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=426542

Researcher ID: <https://www.researcherid.com/rid/AAU-5325-2020>

Current trends of landscape theory development

Abstract. This article examines the evolution of the study of the concept of "cultural landscape" in modern historiography as a transdisciplinary object that unites specialists in various fields of knowledge (geographers, cultural scientists, specialists in the protection of cultural heritage, architects, etc.). the authors focus on the analysis of the achievements of ethnoculturology and geoculturology, as well as the philosophical concepts of "cultural landscape". The development of these ideas can be traced through cultural and historiographical methods of comparative analysis, the material for which is mainly the work of European and American scientists.

The analysis of the concepts of representatives of Russian science is limited to the school of "cultural geography", which most closely reflects the directions of European research presented in this article. In addition, many of the theories of Russian and Western landscape scientists are considered by O.V. Galkova in earlier articles.

The article asserts that modern research has put landscape theory on a new qualitative level of development, making a turn to posthumanistic methods of research. They supplemented and corrected many conclusions of landscape phenomenology with a relational view of the constantly changing world, the relationship of landscape and movement; landscape as an actor's network, in which there is no division into purely natural and cultural objects, and in General the discreteness of objects to the detriment of unity and relationship; views of the landscape in the light of the philosophy of "new vitalism", inspired by the ideas of movement, subjectivity, perception and storytelling. Most likely, these planned lines of research will be further developed in landscape theory.

The authors pay attention to the development of "old" scientific directions and the appearance of new ones at the intersection of interdisciplinary research: humanitarian, cultural and topological geographies, hybrid biogeography.

Keywords: cultural landscape; landscape studies; cultural geography; humanitarian geography; topological geography; hybrid biogeography; cultural landscape historiography